

К КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТОНИМИИ

Е. В. Падучева

В книге Леонарда Талми о когнитивной семантике (Talmy 2000) центральное место занимает глава о кадрировании внимания (*windowing of attention*), посвященная избирательности человеческого восприятия, которая – избирательность – отражается в языке в виде разнообразных возможностей сдвига ФОКУСА ВНИМАНИЯ при описании одной и той же внеязыковой ситуации: одно и то же событие может быть представлено фразами *Иван ехал лесом; Иван ехал в деревню; Иван ехал из города*, и многими другими.

Идея о сдвиге фокуса внимания как важном языковом феномене родилась, по-видимому, одновременно во многих местах, но радиация, которая шла от Талми, начиная с его статей 80-х годов, безусловно была важным фактором, способствовавшим кристаллизации этого понятия. Предлагаемая ниже модель метонимии основана на представлении о метонимии как о сдвиге фокуса в внимания, и в этом смысле может быть названа когнитивной. Мы не используем терминологии Талми – таких понятий, как когнитивный процесс (*cognition*), когнитивный комплекс (*cognitive complex*), событийный фрейм (*event frame*), – но включаем в рассмотрение некоторые из его примеров, поскольку они хорошо оттеняют суть изучаемого явления.

Метонимия будет нас интересовать, прежде всего, как один из механизмов регулярной многозначности: известные примеры регулярной многозначности в своем большинстве основаны на метонимических сдвигах, ср. соотношение типа ‘процесс’ – ‘результат’, как в словах *приобретение, изображение* (Апресян 1974); диатетический сдвиг (*вымести мусор с пола – вымести пол*); соотношение в видовых парах (*обрадовало – радует*) и многое др.

1. Концептуальная структура

В лингвистическом дискурсе последнего десятилетия семантическая структура языкового выражения была переосмыслена как КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ структура фрагмента действительности, см., например, Traugott 1997. Концептуальную структуру естественно считать результатом языковой КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ реальности (какого-то ее фрагмента), см. о концептуализации Wierzbicka 1996: 55, Croft 1991.

Концептуальная структура может материально совпадать с семантической, но функционально отлична от нее, поскольку ассоциируется с альтернативными концептами “одной и той же” внеязыковой реальности.

До последнего времени в лингвистике всерьез принималось во внимание только соотношение между формой и смыслом. Отношение высказывания к действительности (составляющее содержание лингвистической теории референции) изучалось в известной степени независимо от лексической семантики или семантики синтаксиса.

В одном и том же контексте могут быть сделаны самые разные высказывания; например, по одному и тому же поводу один скажет (1а), а другой – (1б):

(1) а. Иван полюбил Марию; б. Моя дочь связалась с негодяем.

Фразы (1а) и (1б) дают разные концептуализации одного и того же фрагмента действительности. И если изучение отношения между концептом и денотатом, реальностью, практически невозможно – она не существует как формальный объект, – то описание соотношения между разными концептами одного фрагмента – это осмысленная лингвистическая задача: каждой концептуализации соответствует свое высказывание; объектом изучения можно сделать отношение между ними.

Львиная доля различий между разными концептуализациями одной ситуации приходится на два параметра – оценка и фокус внимания. Так, в (1а) фокус внимания – *Иван*, а в (1б) – *моя дочь*, которую зовут Мария. Этот последний параметр – смена фокуса внимания – и будет нас интересовать.

Можно начать с концептуализации, равной смыслу некоторого высказывания (в каком-то отношении “ближайшего” к структуре ситуации). А дальше рассматривать концептуальные структуры, связанные с первой теми или иными языковыми соотношениями. Фактически при этом отношение К-структур к реальной ситуации отходит на второй план, и сдвиг фокуса внимания как соотношение между К-структурами оказывается добротной задачей лингвистической семантики.

При любой концептуализации фрагмента действительности одни аспекты реальности акцентируются, актуализуются, другие затушевываются, уходят в фон: происходит *схематизация* реальной действительности (Боршев, Парти 1999). Но аспекты ситуации, затушеванные в данной концептуализации, имплицитно присутствуют в контексте сделанного высказывания: затушеванные аспекты связаны с актуализованными отношениями типа часть – целое, параметр – значение, причина – следствие и т. п. И здесь приходит на ум понятие метонимии.

Возникает противопоставление фигура – фон (Talmy 1983, Langacker 1987). Оно иллюстрируется в Jackendoff 1996: 553 примером

(2) Кошка сидит на ковре.

В предложении (2) упоминаются два объекта, но отношение между именными группами синтаксически не симметрично: *кошка* занимает центральную позицию, а *ковер* на периферии. Эти объекты и в смысловом отношении не одинаковы. Кошка – центральная фигура, а ковер концептуализуется как участок пространства, нужный лишь для указания местоположения фигуры. Возвращаясь к терминам, которые мы использовали ранее, можно сказать, что данная концептуализация в фокус внимания ставит кошку. Если обернуть синтаксическое отношение, получится странное предложение *Ковер лежит под кошкой* – хотя “физическая ситуация” останется та же самая. Очевидно, дело в том, что в некоторых случаях фокусировка внимания предписана отношениями в реальной жизни (или узусом ее восприятия) и сдвигов не предусматривается. Иначе говоря, среди разных концептуализаций одни бывают более естественны, а другие практически исключены. Исчисление концептуализаций – это для лингвиста задача новая.

Потенциал допустимых концептуализаций действительности в существенной степени зависят от языка. В статье Ikegami 1993 разбирается фраза из романа японского писателя Ясунари Кавабата “Снежная страна” (Нобелевская премия за 1968 г.), для которой перевод, максимально близкий к буквальному, выглядит так: “Пройдя через длинный туннель на границе, была снежная страна”. Перевод этой фразы на европейские языки требует, как минимум, указания субъекта: кто прошел через туннель? В дальнейшем описании фигурирует поезд; однако поезд не находится в фокусе внимания, и японский синтаксис не требует его включения в концепт ситуации – при том, что для английского и даже русского языка это обязательно.

2. К типологии метонимических переносов

Можно различить три рода явлений, которые естественно охарактеризовать как метонимический перенос.

I. Метонимически связаны могут быть две концептуализации одной и той же ситуации. Причем та концептуальная структура, которая порождается буквальным смыслом метонимически употребленного слова, аномальна, т. е. воспринимается как образ, троп. Буквальное понимание предложения требует восстановления другого участника ситуации, связанного с данным отношением смежности. Классический пример такой метонимии – когда вместилище заменяет собой содержимое:

(1) *стаканы* пенились и шипели беспрестанно (Пушкин. Выстрел).

На самом деле в контексте (1) шипело и пенилось вино, но стаканы тоже присутствовали в ситуации; метонимический сдвиг только перенес их из периферии в центр. Еще пример:

(2) Вагоны шли привычной линией,

Подрагивали и скрипели.

Молчали желтые и синие,

В зеленых плакали и пели (Блок. На железной дороге).

Метонимический сдвиг и как правило возникающая при этом категориальная ошибка создают образ. Так, в (2) смещение фокуса внимания с пассажиров (которые на самом деле молчали) на вагоны – важный момент в проведенной в этом стихотворении внешней точке зрения на проходящие поезда: это точка зрения погибшей женщины.

Итак, возможность изучения метонимических соотношений возникла благодаря обращению лингвистов к связям между высказыванием говорящего и (воспринимаемой и осознаваемой им) действительностью: связи по смежности

существуют не между смыслами, а между объектами действительности. Если понимать семантическую структуру как результат концептуализации действительности, можно говорить о соответственных, метонимических, связях между компонентами концептуальных структур. Метонимический сдвиг, “перенос по смежности”, – это перенос внимания на объект, смежный с данным. Смежность может быть пространственной; временной; или причинно-следственной, как при сдвиге “АВТОР → ПРОИЗВЕДЕНИЕ” в контексте

(3) когда мужик ⟨...⟩ Белинского и Гоголя с базаров понесет (Некрасов).

II. Метонимический сдвиг может связывать два значения слова, зафиксированных в словаре, – если одно значение получается из другого смещением фокуса внимания.

Смещение фокусировки бывает двоякого рода: оно может касаться участников ситуации и компонентов толкования.

Примером первого рода (когда фокус внимания переносится на другого участника ситуации) могут служить два значения слова *рот*. МАС дает этому слову толкование: “отверстие между губами, ведущее в полость между челюстями и щеками до глотки, а также сама эта полость”. И действительно, слово *рот* имеет два прямых значения: *во рту* значит ‘в полости’, а *тонкий рот, в уголках рта* – приблизительно то же, что *тонкие губы, в уголках губ*, имеется в виду только отверстие. Хотя попадать в фокус и активизироваться могут оба участника одновременно; так, *раскрыть рот* значит разомкнуть губы (отверстие), тем самым сделав доступной полость.

Пример второго рода, когда смещение фокуса касается компонентов толкования, дает метонимическое соотношение между событийным и стативным компонентом в семантике глагола СВ, например:

- (4) а. Дверь вчера починили [акцент на событии];
 б. Дверь сейчас починили [акцент на состоянии].

III. К переносу фокуса внимания с одного участника на другого сводится семантика диатетических сдвигов и расщеплений:

- (5) а. пробить дыру в стене; б. пробить стену.
 (6) а. Ветер хлопает дверью; б. Дверь хлопает.
 (7) а. Чиновники скрипели перьями; б. Скрипели перья.

В центр, т. е. в позицию субъекта, как в (6), (7), или объекта, как в (5), могут попадать то один, то другой из участников обозначаемой глаголом ситуации. С семантической точки зрения соотношение между (а) и (б) в (5)–(7) может быть представлено как перенос фокуса внимания с одного участника на другого.

Во многих случаях ситуация такова, что если один из участников выходит на передний план (т. е. в центр, на свет), то какой-то другой отступает на задний (на Периферию, в тень) или вообще уходит за кадр:

- (8) рубить лес [на дрова] – рубить дрова;
 уложить вещи в чемодан – уложить чемодан.

Возможность смещения фокуса внимания дает глагол *исправить*. Суть действия, обозначаемого глаголом, всегда одна – она состоит в том, что Агенса делает нечто с предметом (физическим или не физическим), Пациентом /Местом, устраняя в нем Недостатки (или повреждения). Но в позицию объекта при этом может попасть либо Пациент (*исправил текст*), либо Недостаток (*исправить ошибки в тексте*). В обоих случаях участник, не попавший в центр, уходит из перспективы – за кадр. Интересно, что глагол *поправить* допускает и третью диатезу, при которой в центре внимания оказывается ошибающийся субъект:

- (9) Я был склонен к мягкотелости. Меня *поправили* (пример из МАС).

Другой пример – глагол *следовать*. В принципе, *следовать* можно откуда-то, куда-то, за кем-то и т. д.; но в (10а) нельзя сказать *откуда?*, а в (10б) нельзя сказать *за кем?*:

- (10) а. Иван *следует* за Петром; б. Поезд *следует* из Варшавы в Берлин.

Итак, мы выделили три типа метонимических переносов. Различие между типами II и I основано на том, что метонимия (как и метафора) бывает живая, окказиональная, и стершаяся, т. е. уже закрепленная в значении слова. Тип I – это живая метонимия, которой соответствует продуктивное правило переноса (таков, например, перенос ВМЕСТИЛИЩЕ – СОДЕРЖИМОЕ в примере (1)), а тип II – стершаяся, отраженная в словаре, как у слова *рот*. При метонимии типа I возникают две концептуализации ситуации: метонимическая, которая соответствует буквальному смыслу, и прямая, которая должна быть восстановлена, см. примеры (1), (2); при метонимии типа II такой двойной концептуализации быть не должно. Живая метонимия обычно не фиксируется словарем – нельзя же для слова

рюмка предусмотреть значение 'водка'. Вообще, живая метонимия часто касается собственных имен, как в (3). Впрочем, полной последовательности здесь ожидать трудно.

Тип III, диатетический сдвиг, отличен от типа I в том отношении, что сдвиг фокуса внимания формально выражен. В то же время типы I и III сходны – в том, что оба могут использоваться в целях порождения художественного эффекта, ср. явно значимый перенос фокуса внимания с Агенса (т. е. того, кто стреляет) на деталь Инструмента:

- (11) В граненый ствол уходят пули,
И щелкнул в первый раз курок (П., Евгений Онегин).

3. Примеры метонимических переносов

Перечни метонимических переносов, приводимые в разного рода учебниках и пособиях, сходны в том, что они всегда неполны. Так, список из Ungerer, Schmid 1996 включает переносы: ВМЕСТИЛИЩЕ → ВМЕЩАЕМОЕ; АВТОР → ПРОИЗВЕДЕНИЕ; МАТЕРИАЛ → ИЗДЕЛИЕ; ОЗНАЧАЮЩЕЕ → ЗНАК; ЧАСТЬ → ЦЕЛОЕ; ЦЕЛОЕ → ЧАСТЬ; ПРОИЗВОДИТЕЛЬ → ПРОДУКТ; МЕСТО → УЧРЕЖДЕНИЕ и др. Но он не включает таких важных типов переносов как ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ → (занимающее его) СОБЫТИЕ; ИСТОЧНИК ЗВУКА → ИЗДАВАЕМЫЙ ЗВУК; ЧАСТЬ ТЕЛА → БОЛЕЗНЬ (этой части тела), см. Шмелев Д. 1977: 104 (и классификации метонимических переносов в Якобсон 1987: 328; Гаспаров 1997: 404). Едва ли, вообще, этот перечень можно сделать полным, ср. газетный заголовок "Стриндберг продолжает эпатировать Москву"; в статье речь идет о новой постановке в Москве когда-то нашумевшей пьесы Стриндберга; к какому разряду отнести метонимическую связь между сочетаниями *истолковать слово* и *истолковать значение*?

Ниже приведены примеры метонимических переносов – в основном это метонимия, связанная с категориями времени и места.

ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ → (занимающее его) СОБЫТИЕ

Слова и выражения, которые в своем первичном значении обозначают отрезок времени, могут обозначать – в порядке переноса по смежности – события, происходящие на данном отрезке времени и, следовательно, занимающие определенное пространство. Здесь можно говорить о метонимическом переносе время → событие:

- (1) поговорим о будущем = 'о том, что будет происходить в будущем'; Расскажи про воскресенье = 'про то, что происходило / будет происходить в воскресенье'.

С таким же переносом употреблено слово мгновение в контекстах Мгновение, ты прекрасно или Я помню чудное мгновение. В отрывке из "Пиковой дамы" наполнение этой минуты событиями ясно из контекста, и именно они имеются в виду:

- (2) Головка приподнялась. Германн увидел свежее личико и черные глаза. Эта минута решила его участь.

Ни один словарь не даст для слова минута значение 'события, происшедшие в эту минуту'. В МАС значение слова минута в контексте

И здесь героя моего
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим (П.)

характеризуется как 'какой-либо определенный отрезок времени'. Между тем эпитет злую относится, конечно, не к отрезку времени, а к одновременным ему событиям.

В романских языках такое изменение значения отмечается словообразовательным аффиксом; эта словообразовательная модель продуктивна, например, во французском:

- (3) день – jour / journée; утро – matin / matinée; год – an / année.

В русском такого аффикса нет, и практически все слова, обозначающие отрезок времени, могут обозначать также и события, которые развертывались на этом отрезке; например:

- (4) и речь бежит из-под пера
не о грядущем, но о прошлом (Бродский. Конец прекрасной эпохи).

- (5) за окнами обычный день,
накрапывает дождь, бегут машины (Там же).

Само слово время подвержено таким же метонимическим сдвигам:

время сейчас такое [\approx 'обстановка, условия жизни']; эти, с такой силой обобщающие время и события стихи (Чуковская 1997); время было тревожное (ДЖ) [\approx 'жизнь в это время была тревожная']; Зрелищное понимание биографии было свойственно моему времени (Паст., Охранная грамота); сейчас не время шутить [\approx 'сейчас окружающая нас реальность не такова, чтобы можно было шутить']; дух времени – это господствующие взгляды и потребности людей, живущих в определенный период времени; Творчество – всегда противоборство с временем (Новый мир, 1997, № 6).

Л. К. Чуковская (1997: 251) приводит следующее высказывание Ахматовой:

Я убеждена, например, что мои стихи “И время прочь, и пространство прочь” никто не хочет печатать из-за слова время. Оно воспринимается не как философская категория, а как “наше советское время”.

Когда время значит ‘погода’ – Время ненадежно: ветер слегка подымается (П.), – это тоже метонимический перенос; хмурое утро – это утро с хмурой погодой.

В принципе, любое обозначение отрезка времени может иметь, помимо собственного значения, значение отрезка реальности, занимающего этот период времени 1.

□...□приходят тени из 13-го года под видом рязеных (Ахматова. Поэма без героя);

1940 год ощущался как погребение эпохи (Чуковская 1957);

(...) социальная структура Запада в общем до сих пор аналогична тому, что существовало в России до 1917 года. (...) в определенном смысле XIX век на Западе еще продолжается. В России он кончился (Бродский. Нобелевская лекция).

Бродский имеет в виду, что социальные структуры, характерные для XIX века, на Западе сохранились, а в России – нет. Далее то, что произошло в России, характеризуется как “социальная и хронологическая перемена”, т. е. как изменение времени.

В американской прессе название отрезка времени одиннадцатое сентября стало именем собственным для трагических событий, произошедших 11 сентября 2001 года.

ДЕЙСТВИЕ ² → ВРЕМЯ [момент]

Отглагольные имена событий обычно соединяются с тремя предлогами – до, после и во время, и каждый предлог актуализует свой компонент семантики имени – начало, конец и развитие события:

(7) до приезда, после праздников;

(8) в Рождество, во время войны □свадьбы; переезда□.

ДЕЙСТВИЕ → ВРЕМЯ [ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ]

(9) весь поход молчал.

Этот тип метонимии упоминается в Шмелев Д. 1977: 100. В примере (10) дополнительный сдвиг, касающийся слова дорога:

(10) Она всю дорогу плакала.

Согласно МАС, слово дорога имеет, в числе прочих, значения: 1) полоса земли, служащая для езды и ходьбы; 2) путешествие, поездка; например: после дороги лег отдохнуть, в дороге не спал. В (10) слово дорога употреблено в этом втором, процессном значении.

При этом получает семантическое объяснение аномалия в (11) – имена, образованные от моментальных глаголов, предлога во время не допускают, поскольку у них отсутствует процессный компонент, требуемый семантикой этого предлога:

(11) *во время прихода; *во время ухода.

¹ Для слова *эпоха* значение отрезка реальности, ограниченного определенными временными рамками (а не просто отрезка времени), фиксируется в словаре, ср. *эпохи 30-х годов, которая именуется 37-м годом*.

² Слово *действие* мы используем в качестве обобщающей категории для действий, терминативных процессов, деятельности, имеющих начало и конец, мероприятий – таких как *концерт, лекция, свадьба*.

ДЕЙСТВИЕ → МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

На вопрос “Где он?” можно ответить: на лекции, на концерте, на репетиции и т. д. Аспект места выявляется в значении такого действия, которое мыслится как происходящее в определенном месте. Тот же метонимический переход в сочетании письмо с дороги: от слова дорога в процессном значении к месту, где идет процесс.

Место и время вообще могут иметься в виду одновременно 3, ср. на пробуксовке в примере, который приводится, в другой связи, в Золотова 1988: 331:

Пришлось бы каждый рыбовоз протаскивать тракторами, портить машины, жечь на пробуксовке покрышки и горячее (“Правда”, янв. 1981).

СВОЙСТВО → МЕСТО

Этот переход можно видеть в значении слов высота, духота, пустота, темнота, тепло, теснота, чистота, и др., ср. темнота помещения и сидеть в темноте. Эти слова способны обозначать часть пространства, поскольку имеют метафорическую категорию масса (заполняющая пространство) 4:

(12) сидеть в тепле; в тесноте, да не в обиде.

Менее продуктивен, но все-таки допустим переход в обратную сторону – от места к развертывающимся на этом месте событиям, процессам, деятельности:

МЕСТО → ПРОЦЕСС (РАЗВЕРТЫВАЮЩИЙСЯ НА ЭТОМ МЕСТЕ)

О, как внезапно кончился диван (Вишневский. Одностишия).

В строчке Ахматовой, конечно, не имеется в виду реконструкция города:

а тому переулку наступает конец.

Среди переходов типа часть → целое следует выделить переходы от граничных точек к примыкающим поверхностям и пространствам.

ПОВЕРХНОСТЬ → ПРОСТРАНСТВО (ПРИМЫКАЮЩЕЕ К ЭТОЙ ПОВЕРХНОСТИ)

Здесь примером может служить слово небо. БАС дает толкование ‘видимое над поверхностью земли воздушное пространство в форме свода, купола’, представляя небо как трехмерную сущность – пространство. Но сочетания типа на небе, с неба, под небом, небо высокое заставляют думать, что небо в русском языке изначально концептуализуется как поверхность – в форме свода. (В словарях говорится “в форме свода, купола”, но нужно – именно “свода”, поскольку купол представляется взору с двух сторон, и чаще всего – с внешней, ср. видны купола, тогда как свод люди видят обычно с внутренней стороны, поэтому под сводом, но *над сводом.) Итак, небо имеет родовую категорию ПОВЕРХНОСТЬ, что объясняет употребления на небе, с неба и невозможное *из неба.

В своем другом значении, небо 2, это слово обозначает воздушное пространство, примыкающее к тому “как бы своду”, который составляет денотат лексемы небо 1. Родовая категория пространство объясняет употребления В синем небе звезды блещут; Высоко в небе летит самолет; Прозрачно небо и т. д. Ясно, что значение небо 2 – результат метонимического переноса: захват смежной области. То, что перенос именно в эту сторону, от небо 1 к небо 2, видно из того, что он произошел не полностью; иначе *из неба было бы возможно. Можно думать, что в толковании лексемы небо 1 компонента ‘воздушное пространство’ нет (ср., однако, Урысон 1998).

Для нашего описания существенно, что небо 1, как и свод, имеет родовую категорию поверхность – а не вместилище: для слов последней категории перенос на содержимое характеризуется высокой продуктивностью, см. пример (1) из § 3 стаканы пенились. А тенденция к переносу с поверхности на прилегающую область более слабая.

Если между двумя значениями слова есть продуктивное метонимическое отношение, то слово обычно не ощущается как многозначное. Так, словарное толкование для рот, о котором уже шла речь, различает два возможных денотата этого слова – отверстие и полость; а в толковании слова небо поверхность и пространство не различены, хотя из приведенных примеров в одних явно имеется в виду двумерное небо, а в других – трехмерное. Дело в том, что связь между двумя значениями слова рот более уникальна, а неоднозначность слова небо такая же как у многих других слов.

³ Как известно, обстоятельства места могут пониматься в значении времени (*Поеду я в Лондон или нет – не знаю, это решится в Висбадене* = ‘тогда, когда я буду в Висбадене’).

⁴ Слова *свет, тьма, мрак* тоже попадают в Т-классы МАССА и МЕСТО, ср. *на свету, во тьме, во мраке*.

Слово море тоже допускает и трехмерную, и двумерную трактовку (возможно в море, из моря и на море, с моря, см. Рахилина 1998), но его семантическая парадигма устроена иначе, чем у слова небо: исходная категория – не поверхность, а участок пространства; употребление, при котором актуализуется поверхность, не воспринимается как изменение значения слова: можно сказать в и на море; аналогично: в и на снегу, в и на доме, в и на шкафу, и т. д. Вообще, слово с одним и тем же значением может принадлежать к нескольким категориям, которые не исключают одна другую, так, печь – это устройство и вместилище; школа, почта – это учреждение и помещение; время — это движущийся объект (время идет), ресурс (тратить время), масса (много времени); возможно, живое существо (убить время). То же для слова память.

ГРАНИЦА [ЛИНИЯ] → ПРИЛЕГАЮЩАЯ ПЛОЩАДЬ

Линии, которые ограничивают участки пространства, часто обозначают и саму территорию. Например, слово круг обозначает и границу – окружность, и все ограниченное ею внутреннее пространство. Поэтому можно сказать и за Полярным кругом, и в Полярном круге (Бродский. Конец прекрасной эпохи); впрочем, последнее – изыск.

Но переход не вполне продуктивен. Так, употребления сочетания черта оседлости в контексте примеров (13а)–(13в) (взятых из предисловия к двухтомнику Бабеля, изданному в 1972 г.), где черта должна пониматься с метонимическим переносом – как ‘территория, ограниченная этой чертой’, оцениваются скорее как удовлетворительные:

- (13) а. (...) не видящих иного выхода за черту оседлости;
 б. (...) Одесса была крупнейшим центром еврейской черты оседлости;
 в. (...) не имея права жительства за пределами черты оседлости.

Можно сказать в черте города, в прежних границах, в этих пределах и т. д. Однако пример (14) не соответствует современной норме:

- (14) заимки и дачи уже входили в черту города (Мам.-Сиб., цит. по БАС).

Метонимический перенос ограничен определенными синтаксическими рамками.

Тот же метонимический переход, но в линейном случае – от граничной точки к интервалу, который этой границей заканчивается или начинается, возможен для обозначений времени. Известный пример – неделя: первоначально – ‘воскресенье’; польск. tydzień, род. tygodnia, ‘неделя’ первоначально имело буквальное значение – ‘день недели с тем же названием, что данный’. Ср. также этимологию слова год: первоначально – срок окончания договора, т. е. момент времени, до которого можно ‘годить’.

Метонимический переход в обратную сторону – от временного интервала к границе – настолько продуктивен, что даже не замечается: до субботы значит ‘до начала субботы’, а после субботы – это ‘после конца’.

Захватывать соседнюю территорию могут не только границы, но и другие выделенные пространственные объекты, ср. на реке, на даче, встретились на лыжне, поехал на мельницу, пошел на море (в значении ‘на берег моря’) и т. д.

Почему метонимические связи между разными значениями слова необходимо фиксировать?

Метонимическая связь между значениями слова может быть причиной нарушения одной из самых общих семантических закономерностей – состоящей в том, что одно слово не может быть употреблено в предложении одновременно в двух своих значениях. Так, в примере (15) пианино в его отношении к сказуемому берedit должно обозначать не сам музыкальный инструмент, а его звук, поскольку только звук может воздействовать на слух; между тем разбуженное относится к инструменту:

- (15) Одним пальцем разбуженное пианино берedit слух (Бродский).

Такое совмещение двух значений в одном употреблении возможно только благодаря тому, что между инструментом и звуком имеется метонимическая связь. Другой пример:

- (16) <...> глядя задумчиво в небо высокое.

Эпитет высокое заставляет понимать небо в значении небо 1, а глядеть в – в значении небо 2. Употребление слова одновременно в двух значениях не звучит как каламбур, потому что они метонимически связаны.

Метонимические связи могут быть между компонентами значения слова или грамматической формы, и это позволяет объяснить межъязыковую общность некоторых моделей семантической деривации. Так, Л. Талми (Talmy 1985) обращает внимание на то, что в семантике глагола значение пребывания в состоянии во многих разных языках сочетается с вхождением в него, но не с выходом. См. пример (17) – глагол hid ‘прятаться’ может иметь значение перехода в состояние, (17а), и значение пребывания в состоянии, (17б); но не значение выхода из состояния (такое же совмещение значения у русского глагола СВ, см. пример (4) из раздела 3):

- (17) а. He hid in the attic when the sheriff arrived ‘спрятался’;
б. He hid in the attic for an hour ‘прятался’;
в. *He hid out of the attic ‘*выпрятался’.

Если принять во внимание метонимические связи между событийным и статальным компонентами толкования глагола СВ, эта квазиуниверсалия получает объяснение: состояние метонимически связано с порождающим его событием – как следствие с причиной; а между состоянием и выходом из него такой естественной связи нет.

Литература

1. Апресян 1974 – *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
2. Борщев, Парти 1999 – *Борщев В. Б., Парти Б. Х.* Семантика генитивной конструкции: разные подходы к формализации // Типология и теория языка: От описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика / Ред. Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 159–172.
3. Гаспаров 1997 – *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. Т. 2. О стихах. М.: Языки рус. культуры, 1997.
4. Золотова 1988 – *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. М.: Наука, 1988.
5. Рахилина 1998 – *Рахилина Е. В.* Семантика отыменных прилагательных // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 298–304.
6. Урысон 1998 – *Урысон Е. В.* “Несостоявшаяся полисемия” и некоторые ее типы // Семиотика и информатика. Вып. 36. М.: Языки рус. культуры: Рус. словари, 1998. С. 226–261.
7. Чуковская 1997 – *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М.: Согласие, 1997.
8. Шмелев Д. 1977 – *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М.: Просвещение, 1977.
9. Якобсон 1987 – *Якобсон Р.* Заметки о прозе поэта Пастернака // *Его же.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324–338.
10. Talmy 1983 – *Talmy L.* How language structures space // H. L. Pick, Jr., Acredolo (eds.) Spatial Orientation: Theory, Research, and Application. N. Y.: Plenum Press, 1983. P. 225–282.
11. Talmy 2000 – *Talmy L.* Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Concept Structuring Systems. Cambr. (Mass.); L.: A Bradford Book: The MIT Press, 2000.
12. Croft 1991 – *Croft W. A.* Syntactic Categories and Grammatical Relations: The cognitive organization of information. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991.
13. Ikegami 1993 – *Ikegami Yo.* What does it mean for a language to have no singular-plural distinction? Noun-verb homology and its typological implication // R. A. Geiger, B. Rudzka-Ostyn (eds). Conceptualizations and Mental Processing in Language. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1993. P. 801–814.
14. Jackendoff 1996 – *Jackendoff R. S.* Semantics and Cognition // Sh. Lappin (ed.). The Handbook of Contemporary Semantic Theory. Oxford, UK: Blackwell, 1996. P. 539–559.
15. Langacker 1987 – *Langacker R. A.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford, 1987.
16. Traugott 1997 – *Traugott E. C.* Semantic change: An overview // Glot International. Vol. 2. No. 9–10. 1997. P. 3–6.
17. Ungerer, Schmid 1996 – *Ungerer F., Schmid H. J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. L.; N. Y., 1996.
18. Wierzbicka 1996 – *Wierzbicka A.* Semantics: Primes and Universals. Oxford; N. Y.: Oxford UP, 1996.